

ГЕННАДИЙ ЕСИН

TOP SECRET

MAJIC EYES ONLY

*CASE FILE: 014 / NOV 1974

**КОНЕЦ
ЭПОХИ РЫБ**

**ШПИОНСКИЙ
ТРИЛЛЕР**

Геннадий Есин
Конец эпохи Рыб

«Автор»

2026

Есин Г.

Конец эпохи Рыб / Г. Есин — «Автор», 2026

Осень 1978 года. Холодная война в самом разгаре. В секретной лаборатории S-4 в Зоне 51 занимаются исследованием аномального поведения фрагмента обшивки НЛО, потерпевшего крушение в Розуэлле в 1947 году. Журналистка Сьюзан Лонг, бывший агент ФБР Гай Хоттел и физик-ядерщик Стэнтон Фридман начинают собственное расследование. Основанная на реальных документах, рассекреченных по FOIA, и подкреплённая историческими свидетельствами, этот роман разворачивает захватывающую шпионскую драму на фоне одной из самых засекреченных тайн XX века. Здесь реальность сплетается с художественным вымыслом, создавая напряжённый триллер о правде и лжи. «Конец эпохи Рыб» — история о том, как смена астрологических эпох отражается не только на духовных парадигмах, но и на секретных операциях, где вера, наука и политика сталкиваются лицом к лицу. Для всех, кто интересуется не только тайнами Розуэлла, но НЛО и эпохой холодной войны.

© Есин Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
От автора	6
Пролог	8
Глава 1	10
1978	10
1963 год. Москва, МВТУ им. Н. Э. Баумана	11
1963–1965. Высшая школа КГБ СССР	13
1965–1967. ОКБ-155 имени А. И. Микояна	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Конец эпохи Рыб

Глава

Всё изложенное далее основано на документах, рассекреченных в соответствии с «Законом о свободе информации» (FOIA) и находящимся в свободном доступе. Некоторые имена и даты изменены. Отдельные факты остаются спорными. Автор оставляет за читателем право решать, где проходит граница между вымыслом и реальностью.

От автора

14 февраля 2026 года. Источник: публикация в социальной сети.

В интервью подкастеру Брайану Тайлеру Коэну 44-й президент США Барак Обама заявил¹:

«...Они реальны. Но я их не видел. Их не держат в Зоне 51. Там нет никакого подземного сооружения... если только не существует огромного заговора, и это скрыли от президента Соединённых Штатов».

Слова, произнесённые с лёгкой усмешкой в объектив телекамеры, заставили замереть аналитические отделы спецслужб по всему миру. Экс-лидер «свободного мира» публично подтвердил информацию, за раскрытие которой ещё недавно ломали карьеры, физически устранили и делали из нормальных людей сумасшедших.

Интервью шло в формате блиц-опроса (speed round). Позднее, 16 февраля, в своём аккаунте одной из соцсетей Обама уточнил: *«Я не видел доказательств контакта».*

Формулировка *«я не видел»* идеально укладывается в классическую схему правдоподобного отрицания — Plausible Deniability. Признание существования явления без подтверждения личного доступа к данным.

Ответ Системы в лице её антагониста 45-го президента США Дональда Трампа последовал 19 февраля 2026 года²:

«Он выдал секретную информацию. Ему не положено это делать. Я не знаю, реальны они или нет... Но могу сказать вам точно: он раскрыл секретные сведения. Он совершил большую ошибку».

Примечательно, Трамп даже не пытался опровергнуть слова Обамы, а обвинил его в разглашении государственной тайны.

В течение часа после публикации этого заявления акции ведущих оборонных подрядчиков — Lockheed Martin, Raytheon и Northrop Grumman — показали аномальную волатильность, приведя в недоумение финансовых аналитиков с Уолл-стрит.

К XXI веку сверхдержавы обзавелись технологиями, разработанными отнюдь не вчера. Лазерные установки, гиперзвуковые блоки, компактные ядерные реакторы явились побочными продуктами обратного инжиниринга. Просто в прошлом веке для их реализации не хватило инженерной базы и материалов с необходимыми свойствами. Поэтому исследования были свёрнуты из-за чудовищной дороговизны и высокой аварийности.

То, что сегодня выдаётся за прорыв земной науки, в закрытых отчётах объясняется адаптацией «чужих» технологий. Человечество сумело создать грубые и смертоносные поделки, но главному — управлять пространством и временем — не научилось.

Спецслужбы потратили миллиарды долларов на маргинализацию уфологии, которая с середины семидесятых настойчиво подбиралась к истине. Использовались как реальные засекреченные программы (полёты самолётов-разведчиков U-2), так и проекты-прикрытия (высотные зонды), создававшие плотную информационную завесу вокруг секретных исследований.

¹ Прямой рабочей ссылки на оригинал в открытых архивах нет — запись удалена. Оригинальный, разъясняющий пост Обамы от 16 февраля 2026 года с уточнением про «aliens» в его личном Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещённой на территории Российской Федерации) существовал, но сейчас недоступен. Сам подкаст и комментарии к нему отсутствуют в архивах и пересказов СМИ и в Wayback Machine.

² <https://www.reuters.com/world/us/trump-classified-information-aliens-2026-02-19/>

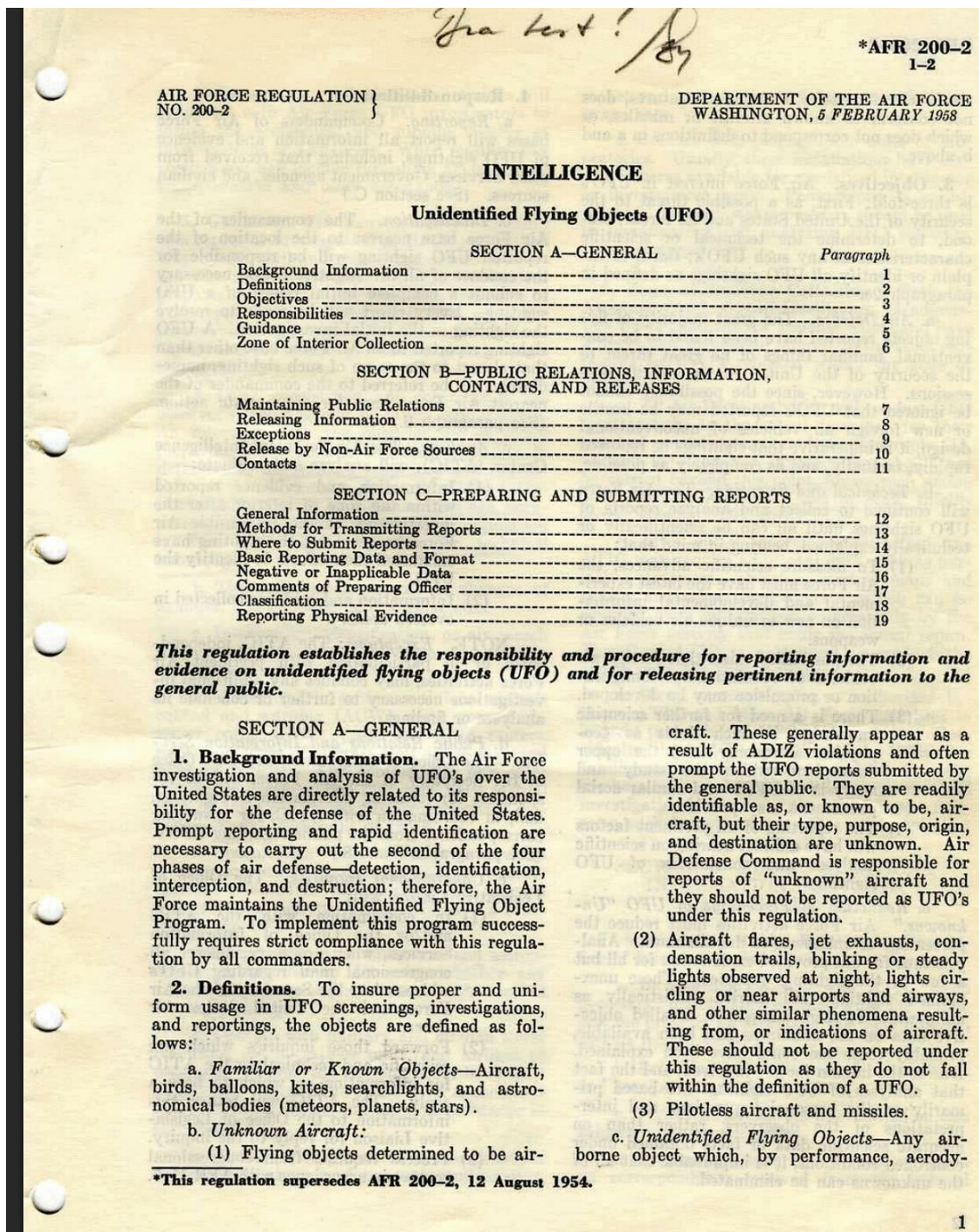

Рис. 1. Нормативный документ Air Force Regulation 200-2 от 5 февраля 1958 г. Обратите внимание на пункт 2с: определение Unidentified Flying Objects как объектов, которые по характеристикам превосходят известные технические возможности.

К началу 1970-х скрывать очевидное стало уже невозможно. Тогда Система сработала на опережение, приняв поправки к «Закону о свободе информации» (FOIA Amendments of 1974) позволив исследователям легально запрашивать архивы.

Пролог

Кодовое название: CANDLEFISH

Уровень доступа: USAP / NOFORN (No Foreign Nationals)

Распространение: SNTK (Strictly Need-to-Know)

Тема: Брифинг для членов SSCI/HPSCI, подготовленный переходной администрацией

Дата: 20 декабря 1988 г.

Экземпляр: Копия № 3 из 3

Адресат: Советник избранного президента по национальной безопасности / Координатор: Adm. William J. Crowe Jr., CJCS

Настоящий документ не подлежит копированию, фотографированию или внесению в электронные базы данных. Ознакомление проводится в присутствии уполномоченного офицера службы безопасности. Подлежит уничтожению путем сожжения или шредирования уровня P-7 по окончании ознакомления.

«Согласно Конституции США, президент является верховным главнокомандующим и наделён высшей исполнительной властью. Но, фактически его реальные полномочия зависят от рейтингов, партийных интересов и политической конъюнктуры, и на практике степень его информированности определяется оперативной целесообразностью.»

Руководители среднего и высшего звена ЦРУ, ФБР, представители военного командования, научных подразделений и засекреченных программ формируют устойчивую кастовую среду «кадровых» управленцев, рассматривающих президента США как временного политического руководителя, чьи полномочия ограничены электоральным сроком.

*В системе национальной безопасности действует принцип **Need to Know** — «необходимость знать», соответственно, доступ к информации определяется не формальным статусом, а практической необходимостью её использования. Так президент США, обладая высшим уровнем допуска (Top Secret), получает лишь ту часть данных, которая признаётся релевантной его текущим задачам.*

Так, например, запросы, касающиеся событий 1947 года (см. Розуэлльский инцидент), классифицируются как архивные материалы Министерства обороны. В лучшем случае эта информация может быть предоставлена обобщённо, без указания технических деталей, наименований и конкретных лиц.

Практика избирательного информирования сложилась в период холодной войны и до сих пор сохраняется в неизменном виде. Она позволяет высшему должностному лицу государства делать публичные заявления без риска непреднамеренного раскрытия сведений, составляющих государственную тайну.

*Предельный уровень секретности обозначается как **Unacknowledged Special Access Programs (USAP)**. Сведения о подобных программах могут официально отрицаться, включая показания под присягой перед Конгрессом.*

*К числу таких программ относится **Advanced Propulsion Research**. Альтернативное обозначение: «Проект „Чёрный луч“». Финансирование которого осуществляется через закрытые статьи бюджета и аккредитованных частных подрядчиков, что обеспечивает дополнительный уровень юридической и информационной изоляции.*

Перечень допущенных лиц к данному проекту строго ограничен.

Статус: официально не существует.

Подпись ознакомившегося лица: _____

Дата: _____

Подпись уполномоченного офицера: _____

[Расписка подшита к экземпляру № 3]»

Глава 1

1978

Виктор Холл проснулся за десять минут до будильника, заведённого, как всегда, на шесть. Привычка вставать в пять пятьдесят осталась у него со времён бауманского общежития на Стромынке, когда каждая минута сна казалась вычеркнутой из жизни. И здесь, в Неваде, его организму пришлось долго перестраиваться, чтобы перейти с московского времени на тихоокеанское.

Сквозь плотные жалюзи уже пробивался жёсткий утренний свет. Виктор лежал с открытыми глазами, слушая монотонный гул вентиляции. Пустыня работала без передышки, как огромная мартеновская печь, и кондиционеры на базе не смолкали, гоняя по полу прохладный воздух.

Ровно в шесть динамик на тумбочке щёлкнул и выдал короткую мелодичную трель — чужую, неуместно жизнерадостную. Виктор предпочёл бы настойчивое металлическое дребезжание советского будильника.

Он поднялся, встал под душ и открыл воду — тёплую, с резким запахом хлора.

Его настоящее имя было Виктор Иванович Голубев, 1943 года рождения. Специальность: инженер-металловед. По окончании МВТУ имени Баумана два года работал в ОКБ имени А. И. Микояна, где его группа занималась жаропрочными никелевыми сплавами лопаток турбины двигателя Р-15Б-300 для будущего МиГ-25. На скоростях свыше двух с половиной числа Маха температура газа перед турбиной превышала критическую отметку: сплавы «ползли», ресурс двигателя падал.

В октябре 1967-го в Париже проходил международный симпозиум по металлургии. Голубев входил в состав советской делегации как ассистент профессора МВТУ Николая Николаевича Рыкалина. В день закрытия конгресса Виктор не вернулся в гостиницу. Через несколько недель его тайно переправили в Штаты.

В его легенде не было ни единого слова лжи. Всё было безупречной правдой. За исключением одного: Голубев не был перебежчиком.

Он был майором Управления научно-технической разведки (Управление «Х») ПГУ КГБ СССР.

1963 год. Москва, МВТУ им. Н. Э. Баумана

Декабрьский снег лежал на карнизах чистым пуховым одеялом. Справа от входа в лабораторию кафедры «Двигатели летательных аппаратов» стоял РД-45 в разрезе — копия британского турбореактивного Rolls-Royce Nene, послужившего основой для двигателя МиГ-15. В помещении лаборатории никогда не выветривался тяжёлый запах железа и машинного масла. На стенах висели портреты советских конструкторов авиационных двигателей — Микулина, Климова, Туманского, Кузнецова, Люльки.

Только что закончился семинар по сопротивлению материалов. Студенты разошлись, а Виктор Голубев задержался — корпел над конспектом, готовясь через час сдать досрочный зачёт по сопромату. Он не услышал, как открылась входная дверь.

— Виктор Иванович Голубев...

Сказано было тихо, без интонации. Витя оторвался от тетради. В дверях стоял мужчина лет сорока, в неброском сером костюме, с незапоминающимся словно стёртая монета лицом. Худощавый, с опрятно зачёсанными назад русыми волосами. В руках держал коричневую папку из тиснёной кожи.

— Я к вам, — вежливо кивнул незнакомец и плотно прикрыл за собой дверь. Прошёл к преподавательскому столу, расстегнул пиджак, аккуратно присел на стул. Достал из бокового кармана чёрно-зелёную коробку папирос «Герцеговина Флор».

— Здесь нельзя курить, — тихо заметил Голубев.

— Это вам нельзя, а мне можно, — жёстко ответил мужчина, небрежно чиркая спичкой. — Меня зовут: Алексей Петрович.

У Виктора неприятно заныло под ложечкой. Он принялся лихорадочно вспоминать, что такого мог натворить в последнее время.

— Не волнуйтесь, — мягко сказал гость и достал из кожаной папки другую — тонкую, картонную, с растрёпанными тесьмами и чернильной отметкой по торцу. На обложке значилось: «*Личное дело Голубева В. И., студента факультета...*»

— Ваша? Позаимствовал в отделе кадров. Итак. Что мы имеем на сегодняшний день? Курс четвёртый. Средний балл 4,8. Комсомолец. Английским владеете свободно — специальную литературу читаете в оригинале. Итоговая оценка по факультативу «Технический и военный перевод» — «отлично». Научный руководитель отмечает природное чутьё на фазовые превращения в жаропрочных сплавах. Верно?

— Так точно, — чётко ответил Виктор, словно офицеру на военной кафедре.

— Про «так точно» советую забыть сразу же после сдачи экзамена по военной подготовке. — «Алексей Петрович» закрыл папку.

— У нас есть к вам весьма серьёзное предложение. На долгосрочную перспективу, так сказать. Оно потребует от вас полной самоотдачи и абсолютной преданности нашему общему делу.

Виктор Иванович, а что, если после окончания вуза вам предложат заняться наукой в другой стране. Вы вообще терпеливый человек? Умеете ждать?

Незнакомец смотрел внимательно, выжидающе.

— Не знаю... — честно признался Голубев.

— Мы дадим вам второе специальное образование. Через два года вы станете офицером госбезопасности. Вы готовы по приказу Родины начать новую жизнь в другом месте?

— В каком другом? — переспросил Виктор.

— Например, в Соединённых Штатах Америки.

Голубева словно обухом по голове ударили, но он собрался и дерзко спросил:

— Штаты? А чем я там буду заниматься?

— Всему — своё время, товарищ Голубев.

— А если я откажусь?

Алексей Петрович погрузился, выдохнул дым и некоторое время внимательно рассматривал затухающий огонёк на кончике папиросы. Потом, не поднимая глаз, медленно ответил:

— Ничего страшного не случится. Закончите институт, поступите в аспирантуру, получите спокойное местечко в номерном НИИ, проживёте скучную и обычную жизнь. Вас устраивает подобное будущее?

Алексей Петрович кивнул в сторону висящих на стене портретов великих конструкторов.

— Думаю, нет. А мы предоставим возможность стать одним из героев, которые охраняют мирный труд советских людей, успешно пресекая попытки империализма развязать новую мировую войну.

Он встал, бросил окурок на пол, растоптал каблуком и, застегнув двубортный пиджак на все пуговицы, сказал:

— Подумайте, Виктор Иванович, не спешите отказываться. В субботу вечером будьте в общежитии, в восемнадцать ноль ноль, вас подзовут к телефону на вахте. Возьмёте трубку и скажете «да»... или «нет».

1963–1965. Высшая школа КГБ СССР

Согласие Виктора запустило машину, у которой не было заднего хода. Через трое суток в деканате лежало подписанное ректором заявление об академическом отпуске по состоянию здоровья, подтверждённое убедительными справками. А Виктор в этот день пересёк порог учебного комплекса на юго-западной окраине Москвы, который в ведомственных справочниках проходил как «Объект-42», а среди курсантов Школа.

Занятия проводились индивидуально, строго с глазу на глаз. Языковая подготовка началась с ломки. Инструктор, бывший разведчик, покинувший Нью-Йорк в пятидесятых, требовал слушать записи американских радиостанций по двенадцать часов в сутки. Повторять дикторские фразы, артикулируя их перед зеркалом, пока американская просодия не вытравит мягкие славянские согласные, ибо ошибка в интонации или неверное ударение в будущем могут стоить ему жизни.

Технику речи сопровождала культурная адаптация. Виктор учился мыслить, как средний американец. Зубрил цены на бензин, марки автомобилей, правила бейсбола и нюансы громких судебных процессов. С трудом перешёл на мили, ярды, галлоны и фунты.

Голубеву ещё повезло. Его южный таганрогский акцент не стали «выбивать» тренировкой или гипнозом, а «окультурили», подводя под легенду иммигранта с пятого континента. Маркируя славянский субстрат австралийским «наслоением».

Курсанты жили в комнатах 6х2,5 метра вместе с замолкающим только на ночь радио. Передачи транслировались поочередно на двух языках. У Голубева большей частью на английском, дополнительно — на испанском.

Единственным местом, где Виктор сталкивался со своими безымянными коллегами, была столовая, где их задалбывали застольным этикетом. Вилки для мяса, для рыбы. Столовые и десертные ложки, щипцы для улиток. Отдушиной было вино — бутылка ноль семь на троих: по субботам — красное, по воскресеньям — белое; с чередованием по цвету, крепости и содержанию сахара. При ошибке в выборе бокала, курсанта наказывали, лишая «фронтových ста граммов».

Обслуживали будущих нелегалов девушки-официантки. Поначалу Голубев даже думал, что они немые: настолько строго соблюдался ими запрет на общение с курсантами.

Радиоподготовка была настоящей аскезой, похуже монастырского послушания. «Ти-ти, та-та-та...» Голубев сбивал пальцы в кровь, работая на горизонтальном «влево-вправо» ключе, пока не достиг скорости передачи ста двадцати знаков в минуту.

Шифры, одноразовые блокноты, аппаратура спецсвязи «Коралл», правила составления радиogramм для КВ-передатчика. Ему вбивали в голову, что радиоэфир — тоже поле боя. Нарушение времени выхода, сбой или ошибка при работе на ключе — в лучшем случае Центр не ответит, в худшем — тебя накроют. Ошибка на занятии означала выговор; на реальном сеансе — исчезновение.

Виктор осваивал «мёртвые почты», условные знаки на витринах, приёмы отрыва от наружного наблюдения, оттачивая действия до автоматизма рефлексом.

Физическая подготовка не имела ничего общего со спортом. «Ты не в состоянии победить каждого», — нудно повторял инструктор, ставя блоки и удары системы рукопашного боя, у которой не было названия — только функция: выжить любой ценой.

«Не трать время и силы на освобождение от захвата. Если противник сзади, ткни ему большим пальцем в глаз. Изловчись и лягни в колено, — говорил инструктор, помогая вытирать кровь. — Если тебя жмут к стенке, не стесняйся — прижмись к противнику и откуси ему ухо. Если стоишь — ударь каблучком по ступне. Твоя задача, — не доказать, что ты сильнее, а спасти свою шкуру».

Отдельным блоком по тактико-специальной подготовке шло применение подручных средств: показывали, как открывать замок наручников разогнутой канцелярской скрепкой; нейтрализовывать противника снятыми с рук перчатками; жестоко отмахиваться затянутым на кисти брючным ремнём. А сложенный бамбуковый зонтик в руках инструктора оказался оружием страшнее боевой папиры.

Но самым тяжёлым для Голубева оказалось психологическое легендирование. В марте 1964 года его перевели в учебный центр «Южное». Выдали одежду с американским лейблами, настоящие доллары, подлинные документы, вывезенные резидентурой.

В специально декорированных симуляторах, имитирующих квартиры, бары и даже вокзал — его подвергали стресс-тестам: проверяли документы, имитировали провал и задержание, допросы «агентами ФБР».

Врачи фиксировали пульс, реакцию зрачков, тремор и микродвижения пальцев. Цель — добиться состояния, при котором страх перед разоблачением станет фоновым шумом, не мешающим работе.

«Не вздумай играть, — поучал очередной инструктор. — Там надо переродиться и стать другим человеком. Не на месяц, не на год, навсегда. Чтобы после первого же допроса их полиграфы заикаливались от твоего праведного негодования».

В последние полгода обучения, когда он снова вернулся в Москву на сдачу экзаменов и получение первого офицерского звания, особым разделом шла «Сетка памяти» — концепция пожизненной пассивной связи. Инструкторы вдабливали Голубеву: связник может погибнуть, резидентура — провалиться, но Контора дотянется до него и через тридцать лет.

Виктор зазубривал «Золотые точки» — географические и временные константы. *«КГБ не будет, — говорил инструктор, — не дай Бог, СССР, не будет, но каналы связи с тобой будут существовать всегда».*

Ты знаешь, что большая часть работавших за границей офицеров Отдельного корпуса жандармов и агентов департамента полиции перешли на сторону большевиков? Этим, кстати, объясняется нереальная эффективность вновь созданных разведывательных органов молодой страны Советов. Мы унаследовали их агентурные сети, резидентуры, нелегалов.

ВЧК и ИНО ОГПУ очень быстро смогли интегрировать их в свою систему внешней разведки. А почему? А потому, сынок, режимы могут быть разные, а Родина у нас — одна».

Ему навсегда вбили время, места, и процедуры всех его будущих контактов.

Параллельно он осваивал «Эхо» — каналы одностороннего приема, при которых агенту ничего не нужно было передавать, только слушать.

Радиочастоты, объявления в газетах, специфические маркеры в статьях научных журналов, всё было увязано в систему «ключей», базирующуюся на реперных точках, известных только ему и Центру. Связь без обратного адреса. Москва могла «разбудить» его, сменить приоритеты или подтвердить статус, озвучив в радиоэфире набор цифр или напечатав в газете объявление о продаже старой мебели.

Эти данные Виктору выжгли в памяти циклического повторения под снотворным. И они стали его безусловными инстинктами, как ритм дыхания и биение сердца.

К лету 1965 обучение закончилось. Он получил погоны лейтенанта с двумя маленькими звёздочками и одним просветом василькового цвета. Экзамены по гражданской специальности у Голубева приняли доцент и профессор «родного» МВТУ — они же подписали оригинал диплома и вкладыш с оценками. Там же он получил и официальное распределение в ОКБ им. Микояна.

1965–1967. ОКБ-155 имени А. И. Микояна

Два года в ОКБ-155 на Ленинградском проспекте стали для Виктора временем становления его как инженера. Группа, в которой работал Голубев, билась над сплавом для лопаток турбин будущего МиГ-25. Самолет должен был летать на скоростях, при которых даже титановые сплавы вели себя как пластилин.

Виктор дневал и ночевал у испытательных стендов. Гул работающего Р-15Б-300 стал для него привычнее перезвона проходившего под окном трамвая шестого маршрута, связывающего Сокол с центром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.